

Лекция. Этнополитика. Этнополитология в системе гуманитарного знания и его соотношение со смежными науками.

Убеждать кого бы то ни было в злободневности этнополитической проблематики уже нет необходимости, поскольку этническая окрашенность многих социальных противоречий и конфликтов в современном мире явно бросается в глаза. Именно поэтому сегодня темы этноцентризма и регионального национализма, этнической и национальной идентичности чрезвычайно востребованы в политической науке. Как отмечал еще в 80-е гг. XX в. известный норвежский исследователь Стейн Роккан: «События последних десятилетий превратили *“регионализм”* и *“этнонационализм”* в предметы политической и академической моды в в российскую политическую науку. Действительно, целый ряд событий конца XX — начала XXI в., имевших мировой резонанс, не могут быть объяснены, если мы не будем учитывать такие факторы, как этническая идентификация и национальное самосознание, массовая этнополитическая мобилизация и этнополитические конфликты: объединение двух Германий, европейский региональный сепаратизм, кризис национальной идентичности в США; добровольный и мирный «развод» Чехии со Словакией и, напротив, кровавый распад Югославии, который еще не завершился, о чем свидетельствует разрыв политического союза Сербии и Черногории и ситуация вокруг признания независимости Косово; развал СССР и последующее развитие событий в постсоветских государствах (в частности проблемы Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии); постоянно тлеющий этнополитический конфликт между ядерными державами — Индией и Пакистаном и затяжной Ближневосточный арабо-израильский конфликт... Этот перечень можно легко продолжить: в мире, по некоторым подсчетам, сегодня около 160 зон этнополитического напряжения. Действительно, целый ряд событий конца XX — начала XXI в., имевших мировой резонанс, не могут быть объяснены, если мы не будем учитывать такие факторы, как этническая идентификация и национальное самосознание, массовая этнополитическая мобилизация и этнополитические конфликты: объединение двух Германий, европейский региональный сепаратизм, кризис национальной

идентичности в США; добровольный и мирный «развод» Чехии со Словакией и, напротив, кровавый распад Югославии, который еще не завершился, о чем свидетельствует разрыв политического союза Сербии и Черногории и ситуация вокруг признания независимости Косово; развал СССР и последующее развитие событий в постсоветских государствах (в частности проблемы Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии); постоянно тлеющий этнополитический конфликт между ядерными державами — Индией и Пакистаном и затяжной Ближневосточный арабо-израильский конфликт... Этот перечень можно легко продолжить: в мире, по некоторым подсчетам, сегодня около 160 зон этнополитического напряжения. С 1992 г. более трети государств мира столкнулись с внутренними конфликтами, большинство из которых, кроме прочих, имеет этнические причины. Примерно в половине подобных случаев оппозиционеры... выступили за отделение своего *этнического региона от государства*»¹. Именно эти обстоятельства привлекли пристальное внимание мировой научной и политической общественности к этническому и националистическому насилию как поразительному симптому «нового мирового беспорядка» (Р. Брубейкер).

Полиэтничность представляет собой самый значимый вид многообразия в современном мире. В крупных государствах сегодня проживает от 50 до 200 разных этнических общностей, в современной России их более 100. Это актуализирует ценность этнокультурного многообразия и опыт мирного сосуществования этнических групп. Однако рост значимости этничности, как правило, приводит одновременно к усилению этноцентризма, который чреват негативными последствиями для любого социума. Он усиливает, гипертрофирует и абсолютизирует различия между «своими» и «чужими», что почти неизбежно вызывает всплеск межэтнической розни. Поэтому преодоление или нейтрализация этого фактора является одним из важнейших условий сохранения национального единства. И далеко не все суверенные государства успешно справляются с решением данной проблемы. В программе «Всемирной организации не представленных народов и наций» (создана в 1991 г. и насчитывает более 70 членов)

В мире продолжается борьба за национальное самоопределение. Так, на конец 2009 г. в 18 странах имели место масштабные вооруженные конфликты, связанные с борьбой

«самопровозглашенные» государства, несмотря на то что международное сообщество в лице государств — членов ООН, как правило, противодействует этому процессу

Дискуссии вокруг названных во введении проблем идут в разных общественных науках, в том числе и в этнополитологии, роль которой в нашем Отечестве пока явно недооценивается.

Однако в отличие от классических наук с относительно длительной историей — этнологии и политологии — этнополитология, как, впрочем, и этносоциология, находится еще в стадии формирования своего предметного поля, уточнения понятийного аппарата, наработки теоретических концептов. Показательно, что этническая политика и связанная с ней новая область исследований — этнополитология — также завершают свое оформление буквально в последней трети XX — начале XXI в., несмотря на то что феномен *этнического многообразия человечества* существует уже несколько тысяч лет. Объяснение столь позднему признанию данного объекта политики дали разные авторы, в их числе немецкая исследователь Ф. Беккер: «Вплоть до середины 1970-х гг. еще существовал широкий консенсус по вопросу о том, что **этнические различия будут стираться в процессе модернизации**. Поэтому **этничность** рассматривалась только как **третьестепенный фактор**, и, по общему тогдашнему убеждению, **этнические** явлению этнического многообразия было характерно и для марксизма, и для некоторых других «измов».

Непосредственным толчком к началу процесса институализации этнополитологии как научной дисциплины стала активизация борьбы этнических групп и расовых меньшинств США за гражданские права, против любых видов дискриминации в 1960-е гг., что, несомненно, стимулировало изучение «этнического феномена». В свою очередь усиление интереса к этническим и расовым проблемам способствовало появлению ряда исследовательских центров и научных периодических изданий, привлечению к исследованию

этих проблем представителей целого ряда смежных с политической наукой дисциплин. Пионерами в этой области знания стали

американские политические социологи П. Ван ден Берг, Э. Блэк, М. Паренти, Дж. Ротшильд и др., усилиями которых уже в 60-е гг. XX в. и обозначилось обособление этнополитической проблематики, а для ее исследования стали использоваться методы социологической и психологической наук. Тогда же предпринимаются первые попытки определения специфики предметного поля формирующейся научной дисциплины. В частности М. Паренти определял предмет этнополитологии через «изучение влияния этнического фактора на политическое поведение людей и сферу политикив целом». Другой известный американский исследователь П. Ванден Берг выделял в качестве предметной области этнополитологии

взаимоотношения государства с этническими общностями и различными этнополитическими институтами — партиями, движениями, общественными организациями. Одну из первых серьезных попыток дать систематическое представление об этнополитике осуществил Дж. Ротшильд в появившейся в 1981 г. книге «Этнополитика». Он описал процесс политизации этничности в современном мире. Суть этого процесса, согласно Ротшильду, состоит в превращении этничности из сугубо психологического, культурного, или социального, фактора «в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных форм неравенства этнических групп». Данная работа стала своеобразным рубежом в процессе кристаллизации этнополитологии как дисциплины. Поиск места в системе научного знания об обществе был затруднен для этнополитологии также тем, что наряду с этнологией проблематику межнациональных и межэтнических отношений изучают этносоциология (или социология национальных отношений), этнопсихология, этнология, или социальная антропология, этнодемография и ряд других дисциплин (история, философия, право, экономика). «Характерно, что исследовательское “поле” отдельных этносоциальных наук постоянно пересекается и даже совпадает, и по этому практически любое исследование этнических явлений неизбежно приобретает междисциплинарный характер», — отмечает социолог З. В. Сикевич. Однако должно же

что-то отличать науки, изучающие этнические процессы и явления, друг от друга? По всей видимости, это «что-то» — угол зрения на объект исследования, который, как мы уже отметили, является общим для всех этих дисциплин, «целью этнополитологов является выяснение того, где и как этничность “пересекается” с политикой, каковы формы и последствия политизации этничности» (Ю. П. Шабает) Поэтому если «этническая социология — это специальная социо -

логическая теория (отраслевая социология), изучающая социальную обусловленность этнических явлений»¹, то по аналогии мы можем предварительно определить этнополитологию как субдисциплину в рамках политической науки, изучающую политическую обусловленность этнических явлений и процессов. Причем этнополитология претендует на то, что она изучает не отдельные аспекты политической жизни этнических общностей, а всю эту сферу как целостную и многомерную систему, т.е. она претендует на комплексность и интегративность получаемого знания об этом объекте. Таким образом, этнополитология как дисциплина носит пограничный характер, она является следствием развития и научной специализации, дифференциации науки — в данном случае политологии, и наоборот, объединения наук — кросс-научным видением проблем. При этом неизбежно в центре внимания этнополитологии оказываются: во-первых, государство — поскольку современная его форма — это «государство-нация», а государственность — это тот объект, который обеспечивает «совместимость» двух основных концепций нации («нация-согражданство» и «этнонация») и объясняет их противоречивый симбиоз в различных социокультурных средах; во-вторых, деятельность политических, в том числе правящих центральных и региональных элит, связанная с их участием в этнополитических процессах. Для размежевания с предметной областью этнической социологии используем — удачное с нашей точки зрения — сравнение предметов политической социологии и политологии, которое предложили в свое время Р. Бендикс и С. М. Липсет. В частности они писали: «Если политическая социология начинается с общества и исследует, как оно влияет на государство, т.е. на формальные институты распределения и осуществления власти, то политическая наука начинается с государства и изучает, как оно

влияет на общество». Следовательно, этнополитология в отличие от этнической социологии тоже идет от государства и других политических институтов и акторов и исследует, как государственная политика и деятельность политических элит воздействуют на этнические процессы. Если этносоциология изучает социальную структуру этносов, социальный статус этнических групп, определяющий специфику их интересов и поведения, социально значимые явления в этнической культуре, социальную мобильность этнических групп, то этнополитология исследует эти же процессы под другим углом зрения — как на них воздействуют политические феномены прежде всего государство. Если в социологических исследованиях нация рассматривается прежде всего как совокупность этнических групп, представляющих определенную социально-государственную общность, то в этнополитологии нация — это прежде всего продукт усилий государства/политических элит по консолидации мультикультурного социума и строительству нации. Неслучайно Э. А. Паин обратил внимание на возможность двух подходов в исследовании этнической политики. Первый имеет направленность от этничности к политике. Он «подразумевает исследование этнокультурных особенностей политической активности разных этнических групп, например своеобразие восприятия тех или иных политических стратегий представителями разных этнических культур». Второй подход — от политики к этничности — изучает «влияние политических решений и процессов на этническое развитие и межэтнические отношения». Его реализация предполагает исследование трех видов отношений:

1) между этническими общностями и политическими институтами государства;

2) между разными этническими общностями;

3) между индивидом и этнической общностью. В свою очередь, в центре внимания этнопсихологии находятся характеристики психики людей, обусловленные их этнической принадлежностью, этнические стереотипы, особенности такого феномена, как базовая этническая личность, здесь исследуются взаимосвязи между индивидуальным сознанием личности и коллективным чувством этнической солидарности и др. Все это, несомненно, интересует и

этнополитологию, поскольку этническое самосознание признается сегодня главным этнодифференцирующим фактором, но главное для нее состоит в том, чтобы выяснить влияние психологических факторов на политическую жизнь общества в целом, взаимоотношения представителей различных этнических групп по поводу политической власти и ее институтов, на специфику их политического поведения и степень их вовлеченности/исключенности в политические процессы. Если «...этнополитология ассоциируется прежде всего с управлением этническими и межэтническими процессами и имеет дело с политизированной этничностью, или этнизированной политикой, то... политическая антропология ориентируется на этнополитические культуры и потестарно-политическую организацию